

Поэтические чтения: взгляд антрополога

Елена Ф. Левочская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, leta.ugay@gmail.com*

Сергей С. Левочский

*Первый Московский государственный медицинский университет
им. И.М. Сеченова, Москва, Россия, levochskiy_s_s@staff.sechenov.ru*

Аннотация. В настоящей статье анализируется проблема исследования отдельного вида литературных собраний, а именно поэтических чтений. В фокусе научного интереса авторов два вопроса: 1) почему люди собираются на поэтические чтения и 2) какая методология может быть уместна в исследовании этих собраний. Ответы на эти вопросы даются с позиций культурной антропологии с применением методологических инструментов социологии и фольклористики. Практики чтения варьируются в зависимости от целей, структуры и состава участников. Авторы рассматривают такие практики чтений, как Цветаевские костры (собрания читателей) и вечера современной поэзии (собрания авторов), при всей разности обладающих духом коммунитас (партиципаторной антиструктурности) и позволяющих сообществам «пересобрать» и реактуализировать идентичность в ритуалах чтений. Участники по-разному настраивают восприятие – в зависимости от типа собраний. Цветаевские костры требуют «искренности» – демонстрации эмпатии и особой эмоциональной интенсивности, апеллирующих к главной цели – расширению сети сообщества, упрочению культурного статуса события. Вечера современной поэзии раскрываются через карнавальную иронию. Они характеризуются антиповедением, сознательным нарушением социальных норм. Обе формы поэтических собраний транслируют дух коммунитас по В. Тёрнеру.

Ключевые слова: поэтические чтения, поэтические вечера, Цветаевские костры, коммунитас, городской ритуал, культурная сцена

Для цитирования: Левочская Е.Ф., Левочский С.С. Поэтические чтения: взгляд антрополога // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 6. С. 67–80. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-6-67-80

Poetry readings: an anthropologist's view

Elena F. Levochskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
leta.ugay@gmail.com*

Sergei S. Levochskii

*First Moscow State Medical University,
Moscow, Russia, levochskiy_s_s@staff.sechenov.ru*

Abstract. This article analyzes the problem of studying a particular type of literary gathering, namely poetry readings, which can be formulated using two questions: 1) why do people gather for poetry readings, 2) what methodology would be appropriate in studying these gatherings? Answers to these questions are given from the standpoint of cultural anthropology, using the methodological tools of sociology and folklore studies. Reading practices vary depending on the goals, structure, and composition of participants. The author examines such reading practices as Tsvetaeva's bonfires (gatherings of readers) and readings of contemporary poetry (gatherings of authors), which, despite all the differences, possess the spirit of *communitas* (participatory anti-structurality), allowing communities to "reassemble" and reactualize identity in the rituals of readings. Participants adjust their perception differently depending on the type of gathering. Tsvetaeva's bonfires require "sincerity" – a demonstration of empathy and special emotional intensity, appealing to the main goal – expanding the network of the community, strengthening the cultural status of the event. Contemporary poetry evenings unfold through carnival irony. They are characterized by anti-behavior, that is, a conscious violation of social norms. Both forms of poetry gatherings transmit the spirit of *communitas*, according to W. Turner.

Keywords: Poetry readings, poetry evenings, Tsvetaeva bonfires, *communitas*, urban ritual, cultural scene

For citations: Levochskaya, E.F. and Levochskii, S.S. (2025), "Poetry readings: an anthropologist's view", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 6, pp. 67–80, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-6-67-80

...Встречи творят встречающихся
[Коллинз 2004, с. 30]

Чтение поэзии в современном городе имеет свою прагматику. Мы выносим за скобки в своем рассуждении эстетическое (незаинтересованное) восприятие искусства, разницу между хорошими

и плохими стихами, особенности письменной культуры, в которой текст отделен от человека, хотя все это существует и имеет значение. Но с позиции культурной антропологии объектом внимания становится не текст, а человек в его знаковой деятельности, его повседневные практики и ритуалы и то, как в них проявлен мифологический нарратив, обеспечивающий целостность мира.

Одна из таких практик – чтение вслух. Зачем люди регулярно собираются, чтобы читать стихи друг другу? Для многих это непонятно (они и не посещают подобные собрания, не читая поэзию вовсе или читая много, но не допуская третьего между собой и книгой), для других – не рефлекслируемо. На протяжении нескольких лет мы с коллегами ходили на поэтические чтения, брали интервью, вели включенное наблюдение, фиксировали увиденное в полевых дневниках, и ниже представлены общие результаты этой работы и некоторые методологические наблюдения.

Чтобы ответы на вопросы выглядели объемно, мы рассмотрим два типа литературных собраний, которые практически не пересекаются по составу участников, т. е. это собрания, которые актуальны для людей с разными вкусами и читательским (писательским) самоопределением. Это литературные вечера 2010-х гг. (встречи поэтов) и Цветаевские костры (встречи читателей). Илья Кукулин при описании литературного процесса использует термин «неодновременность», или «гетерохронность» [Кукулин 2020, с. 44]. В разных писательских кругах как актуальные существуют художественные языки, принадлежащие разному времени. То же можно сказать и об эстетических ожиданиях читателей. Два типа поэтических чтений, о которых речь пойдет ниже, существуют в разных временах – и по мировоззрению, и по одобряемым поэтикам.

Городские ритуалы и культурная сцена

Ключевым для наших рассуждений будет понятие «коммуни-тас» (антиструктуры), разработанное В. Тёрнером. Исследователь писал о двух состояниях общества: одно строится на иерархии и порядке (структура), а другое – на равенстве людей (коммуни-тас). Современные интерпретаторы этой теории уточняют, что это равенство, не стирающее индивидуальные различия и приближенное к «сущностному “мы”» Бубера, при котором важно не только «нивелирование социального “Я” (роли, маски, персоны)», но и «усиление индивидуально-психологического “Я”» [Воробьева 2019, с. 162]. В нашем случае речь пойдет именно о таком, не стирающем, а обостряющем индивидуально-психологическое «Я» единении.

Коммунитас может быть временным (это механизм смены одной структуры на другую) или относительно постоянным (как культура хиппи или монашеский орден), но никогда не вечным. Рано или поздно оно перерождается в структуру. Более того, попытка коммунитас не всегда приводит к его реальному достижению, так что в каком-то смысле речь идет об отдельных моментах, когда утопическая идея идеального состояния общества реализуется на практике. Это состояние скорее грезится, чем случается, но когда случается, то остается в памяти как экзистенциальный опыт высокой ценности.

Поэтические чтения бывают структурные – например спектакли по стихам в пространстве театра или чтения поэтов в университетах, о которых пишет Фредрик Стерн в статье «Формальные поэтические чтения» (Formal Poetry Reading) [Stern 1991], где авторитет институции и просветительская роль посредника между поэтом и читателями очень важны. Зритель (читатель) там четко понимает свое место, у поэта или актера тоже есть своя роль, которую он исполняет (осознанно или нет), пространство и техническая поддержка устроены так, чтобы всем было хорошо слышно и видно. Но бывает, что сторонний участник, попадая на поэтические чтения, застаёт непонятную картину: кто-то читает стихи, кто-то в это же время оживленно общается неподалеку, программа не соблюдается или отсутствует, хорошие тексты читаются вперемешку с плохими (что бы мы ни вкладывали в эти определения), а участники очевидно получают удовольствие от собрания, чего не скажешь о случайном зрителе. Именно такие собрания имеют ритуальную природу, которую возможно «подсветить» через методы культурной антропологии.

Р. Коллинз, современный исследователь ритуала, подчеркивает, что именно в ситуациях (ритуалах интеракции) производятся идентичности. Понимая парадоксальность этого утверждения, исследователь заявляет «встречи творят встречающихся» (не наоборот!). Принято исходить из тезиса о неизменности идентичности, однако в разных группах и на разных событиях человек не одинаков. Следуя этой логике, можно сказать, регулярные собрания и акт чтения вслух позволяет заново создавать себя как читателя (поэта).

Сообщество пересобирается в ритуалах, и это позволяет ему существовать. У. Уорнер показал, что ритуалы необязательно имеют мистический окрас или принадлежат сельской культуре: то, как представлены разные группы на городском празднике, наполняет повседневность символами, считывая которые люди осознают себя как часть общности [Уорнер 2000].

Миры искусства проявляются в городских ритуалах, что было рассмотрено социологами, как правило, на примере популярной музыки. Некоторые выводы, например Г. Беккера [Беккер 2018] и Т. Турино [Turino 2008], переносимы и на поэтические чтения. Также для чтений актуально появившееся при анализе сообществ музыкантов понятие культурной сцены. Е. Омельченко замечает, что субкультура – это не набор людей и символов, а прежде всего пространство регулярных встреч, которому свойственна, например, DIY-экономика, когда потребитель становится производителем (do-it-yourself) [Омельченко, Поляков 2017, с. 123].

И ритуал, и культурная сцена оперируют понятиями своих и чужих, ингруппы и аутгруппы. Отсечение чужих – одно из условий образования коммунитас. Принадлежность группе определяется по разделяемым практикам и предписаниям, поведению и внешнему виду, чужим будет также тот, кто не готов вынести за скобки внешние по отношению к ритуалу иерархии. Поэтому чудо коммунитарного общения происходит, только если вы попали на подходящую вам – то есть соответствующую глубинным ценностям и личностному мифу – культурную сцену.

Цветаевские костры: хранительная сила чтения

Цветаевские костры зародились в 1980-е. Первый костер прошел стихийно:

...Это было 6 октября 1986 года. По сарафанному радио распространилась информация: среди своих, тогда еще не очень Цветаеву можно было читать. В Тарусе разрешили провести литературный вечер, посвященный Цветаевой, читать ее поэзию. Мы приехали. Причём люди малознакомые друг с другом, <...> просто кто с кем созвонился, договорился. И увидели, что на дверях вот этого помещения висит замок. <...> Был не очень жаркий, мягко говоря, день. И как-то так переговорив, родилось такое вот решение: пойдёмте просто у костра. Примерно на том месте, где вот Марина в детстве с Анастасией жгли костры¹.

На следующий год люди приехали уже специально на костер. Потом появились и другие Цветаевские костры: недалеко от Москвы, в Новосибирске, под Вологдой, в Павлодаре, в Германии

¹ Интервью взято в рамках проекта «Цветаевские костры как ритуал, культурная сцена и эмоциональное убежище». Москва, 2023 г.

и США, всех не перечислить. Участники костров любят подчеркивать широту географии и связанность общей идеей: «Зеркал вроде бы много, костров много, а зеркало, отражение в нем – одно»².

На кострах принято рассказывать о новом в цветаеведении (на заре возникновения костры служили источником информации, которую невозможно получить иначе), читать стихи Марины Цветаевой и петь песни на ее стихи, а также делиться собственным творчеством, прежде всего поэтическими посвящениями Марине Ивановне. Это особый тип текстов, которые представляют собой поэтическую версию той самой DIY-экономики, о которой пишет Омельченко. Евгения Вежлян в статье «Современная поэзия и “проблема” ее нечтения» указала на «нового наивного читателя», который не боится высказываться о прочитанном в стихотворной форме, более того, считает это необходимым [Вежлян 2017]. Это часть культуры участия (партиципаторной культуры).

Стихотворные посвящения Цветаевой и гимны Цветаевских костров – это именно читательская, а не писательская практика, находящаяся на границе с фольклором и наивной литературой. Ценится не оригинальность, а способность жонглировать образами и мотивами самой Цветаевой, и *поэтом* остается именно и только она. Так говорит одна из энтузиасток цветаевских костров: «Любое проявление любви разве плохо? Это же хорошо. Даже если это текст... Кривые, косые, ну пусть, это же их личное творчество, пусть», при этом, когда одна из пишущих говорит, что она, как и Цветаева, «тоже поэт», рассказчица замечает: «Но, пардонте, далеко нет!»³. Если первый шаг – высказаться – для авторов этих текстов неприлично легкий, то следующий – встать пусть не вровень, но на одно поле с почитаемыми авторами – невозможен.

Пространство проведения Цветаевских костров – это чаще всего окраина, которая становится центром при переходе из профанного в сакральный регистр. Провинция, а не столица, пригород, а не площадь – это, с одной стороны, обусловлено исторической памятью: чаще всего место костра привязано к биографии Марины Цветаевой или ее сестры Анастасии, а с другой – свойственной советской читательской культуре тяге к природе (ср. слеты КСП), как месту, свободному от цензуры и официоза (а также от структуры и иерархий, потому что иерархии сбиваются, когда все одинаково сталкиваются с погодными и природными вызовами).

² Наблюдение проведено в рамках проекта «Цветаевские костры как ритуал, культурная сцена и эмоциональное убежище». Болшево, 2024 г.

³ Интервью взято в рамках проекта «Цветаевские костры как ритуал, культурная сцена и эмоциональное убежище». Елабуга, 2024 г.

Это отражает и общероссийское видение пространства. В дискуссии в журнале «Отечественные записки» звучит следующая мысль: «Пространство <России> мыслится бескрайним. В этом бескрайнем пространстве две опорные точки: центр-столица или центр региональный и граница. А кроме этого – чистый хаос, просто хлябь. Ее видно из окна железнодорожного вагона, из окна автомобиля; она не переживается как пространство». Пространство как противоположность хаосу проявляется в людях, несущих определенные ценности, «как русский несет Святую Русь в своей котомке» [Ахизер и др. 2002, с. 28–29]. Что же несут в своей котомке участники Цветаевских костров?

На одном из костров звучит следующая речь:

Завтра <1 сентября на городскую площадь> придут дети, и вот этот ужас они будут там слушать. Это ужасно, это ужасно. Какими-то визгливыми голосами невесть что... Вот так воспитывают наших детей: или патриотическими песнями – «Идем строем, поем хором», или вот этой бурдой просто, да? Извините, что я так резка, но достало. ...И поэтому вот то, что мы здесь собираемся, такие сумасшедшие, которые всё бросают и сюда приходят, да, вот это большое спасибо, что мы с вами противостоям вот тому, что происходит сейчас. <...> Если мы любим Цветаеву, вот кто может, мы боремся как можем против того, что нас накрыло. Мы должны это хранить. «Но мы сохраним тебя, русский язык, / Великое русское слово», – Анна Андреевна Ахматова сказала в годы войны. И мы это должны делать. Вот как хотите – не знаю как. И мы это делаем⁴.

Из интервью с участниками костров, а также более широкого контекста реконструируется следующий миф (то есть ценностный нарратив, организующий реальность): культура есть безусловное благо, она укоренена в прошлом (в советское время речь шла о «золотом веке», досоветском времени, сейчас сюда включаются сами позднесоветские практики чтения – данная на ночь книга, тетрадь со стихами и другие свидетельства читательского энтузиазма), культура чувственно переживается в виде поэтических текстов – в творчестве культовых поэтов и поэтов-классиков – и передается от человека к человеку в живом общении или чтении наизусть. Цветаевские костры – это ритуал в рамках позднесоветской читательской культуры, которой свойственна сакрализация поэтиче-

⁴ Наблюдение проведено в рамках проекта «Цветаевские костры как ритуал, культурная сцена и эмоциональное убежище». Петрозаводск, 2023 г.

ской речи и образа поэта (об этом немного пишет С.Б. Адоньева в книге «Дух народа и другие духи» в главе «Дух Пушкина» [Адоньева 2022]).

*Вечера современной поэзии:
письмо как процесс*

В 2000–2010-е гг. (до глобальных перемен, начавшихся с пандемии) поэтические чтения проходили регулярно, на разных площадках (ПирОГИ, Зверевский центр современного искусства и других), чаще всего – с небольшим количеством слушателей, почти все из которых были частью поэтического сообщества.

Партиципаторный режим в поэтических вечерах проявлялся в соседстве и равенстве поэтов разного возраста и уровня признания. Так, на коллективных чтениях каждому отводится определенное время, например 10 минут, вне зависимости от статуса. Социолог музыки Томас Турино выделяет презентационный и партиципаторный режимы исполнения. В первом случае существуют иерархии и оценки (музыканты должны играть на одном высоком уровне, а зрители – внимать), во втором – участники толерантны к плохому исполнению коллег, даже если они его мысленно фиксируют. И это неслучайно: в таком совместном действии происходит обучение, предельно практическое:

Если присутствуют только виртуозные исполнители, разрыв между ними и новичками может быть слишком велик, и неопытные исполнители будут обескуражены. Если ранжировать новичков, людей с ограниченными навыками, посредников и экспертов, все они работают вместе, однако люди на каждом уровне могут реально стремиться и следовать на практике примеру людей следующего уровня [Turino 2008, p. 31].

Турино подчеркивает, что музыка, исполняемая в таком режиме, может быть непростой – так что всем исполнителям, включая продвинутых участников, это интересно.

На поэтических вечерах «поэтов для поэтов» слушатели практически отсутствуют, а время, выделенное на чтение каждого, невелико, но может возникнуть ощущение совместного действия игрового или ритуального характера. Происходит обучение, которое может касаться как внешних по отношению к стихотворному тексту вещей (поведение, интонации читающего, реакция на те или иные действия слушателей, похвалу или неприятие), так и соб-

ственно поэтических (проверить, как текст «звучит», как воспринимается теми, с кем похожие эстетические нормы и оценки, – это часть работы над ним).

Если читатели говорят о высокой культуре, то поэтам скорее свойственно «антиповедение» [Успенский 1994] – «поведение наоборот», в котором сознательное нарушение социальных норм становится не только допустимым, но и необходимым. Так, на посиделках после поэтического вечера на вопрос работников кафе: «Что вас объединяет?», – кто-то сказал: «Содомия», – и другие радостно поддерживали этот ответ. Когда кто-то из компании призвал к приличию фразой: «Вы же все поэты, пишете сами», – другие разочарованно заметили ему: «Ну, зачем ты нас выдал!»⁵.

Некогда бывший джазовым музыкантом социолог Говард Беккер в книге «Аутсайдеры» прекрасно описал двойственное самоопределение человека искусства, который противопоставляет себя обществу не меньше, чем общество противопоставляет себя ему. «Рассказываемые в среде музыкантов истории отражают восхищение крайне своеобразными, импульсивными, наплевательскими поступками; у многих прославленных джазовых музыкантов сложилась репутация “чудиков”» [Беккер 2018, с. 107]. Чужого (респектабельного обывателя) такие музыканты пренебрежительно называют square («жлоб»).

На вечерах антиструктуры выступающий волен использовать разные средства привлечения внимания – но оно не гарантировано. Иногда поэты нарушают стереотипные правила приличия для выступающих ([Выступающий поэт] долго ищет <текст> в телефоне. Говорит: «Я к сегодняшнему вечеру готов не был, я не подбирал стихов, поэтому прочитаю то, что написал сегодня. Господа, я попрошу тишины!»). Слушают действительно тихо⁶), иногда слушающие перебивают или параллельно ведут беседы (это может быть беседа просветительского характера, с обсуждением читаемых или других современных стихов), часто границы между чтением и фуршетом размываются.

На вечере, который уже достаточно формален, чтобы предаваться рефлексии, поэт предваряет свое чтение ремаркой:

⁵ Наблюдение проведено в рамках проекта «Стратегии порождения и тактики восприятия поэтического текста в городской и сельской культурах». Москва, 2020 г.

⁶ Наблюдение проведено в рамках проекта «Стратегии порождения и тактики восприятия поэтического текста в городской и сельской культурах». Москва, 2022 г.

Я там сидел и не думал, что тут <на сцене> выступают, думал, что там <за столом> выступают... Зато слышишь голоса, а это все знакомые люди... чувствуешь себя не в гостях, а среди друзей-товарищей...⁷

В интервью об одном из частых мест проведения поэтических чтений поэт говорит: «Боюсь этого места. Если ты бодр духом, то становишься еще бодрее, а если нет, то впадешь в депрессию, можешь вообще уснуть там где-нибудь в кустах»⁸. Такая не нейтральность отношения обусловлена открытостью границ, при котором никто не гарантирует сохранение социального лица, но взамен можно получить как исключенность и отторжение, так и опыт глубокого межличностного взаимодействия.

Базовые ценности и мифологический нарратив, который выстраивается за этими встречами, отличается от описанного выше читательского нарратива. Поэзия существует сейчас, ее можно и нужно искать (вечера антиструктуры, в отличие от костров, не вынесены за город, но они также часто проходили в неочевидных не завсегдатаю местах и были лишены какой-либо рекламы), поэзия выглядит не так, как это ожидается, хорошие стихи пишутся не теми, кто похож на стереотипного поэта, поэтическая деятельность разрушительна, эмоционально и социально, часто коррелирует с отсутствием постоянной работы, алкоголем, сложной личной жизнью и другими обостряющими опыт факторами. Прямое научение писательскому ремеслу невозможно, потому что нет эксплицитных правил и рецептов, но опыт слушания друг друга и чтения друг другу помогает усвоить и модели поведения, и современные поэтики.

Заключение

Итак, включенное наблюдение показало, что чтения поэзии вслух отвечают представлениям о городском ритуале и с разной степенью успешности претендуют на событие типа «коммунитас». Однородность участников, их эстетических представлений и статуса – одно из условий такого типа событий. Мы рассмотрели два типа поэтических чтений. На одном читатели собираются без жи-

⁷ Наблюдение проведено в рамках проекта «Стратегии порождения и тактики восприятия поэтического текста в городской и сельской культурах». Москва, 2022 г.

⁸ Интервью записано в рамках проекта «Стратегии порождения и тактики восприятия поэтического текста в городской и сельской культурах». Муж., 1965 г. р.

вущих поэтов, на другом – поэты собираются без читателей. Тернер пишет: «Тот акцент, который хиппи делают на спонтанности, незамедлительности и “экзистенции”, выделяет один из смыслов, в котором коммунитас противопоставляется структуре. Коммунитас принадлежит настоящему; структура коренится в прошлом и распространяется на будущее посредством языка, законов и обычаев» [Тернер 1983, с. 185]. Цветаевские костры – читательская культура, для них важно воспроизвести именно читателя, «искренне» привязанного к культуре, поэтому фигура, вокруг которой они собираются, должна быть признана. Коммунитарные чтения поэтов исходят прежде всего из посылки, что поэзия – это здесь и сейчас, она разная, пишется живыми людьми и должна быть прочитана вслух самими авторами. Эстетические ожидания и даже стереотипы о поэте и поэзии на этих чтениях принадлежат разным временам.

Формально у рассмотренных типов мероприятия мало общего. Разве что вовлеченный разговор встретившихся друзей, идущий параллельно центральной программе, и ощущение, что сама встреча интересует многих собравшихся больше звучащих поэтических текстов. Цветаевские костры построены на просветительском пафосе и уверенности, что поэтическое слово исключительно важно. Участники чтений современной поэзии лишены веры в читателя, его существование или компетентность, и их поведение кажется карнавално несерьезным. На Цветаевских кострах выступление оценивается прежде всего через категорию «искренности» (эксплицированности и понятности транслируемых эмоций), на вечерах современной поэзии оценивается качество прочитанных текстов (как они сделаны, какие приемы использованы, работают они или нет). На Цветаевские костры приходят читатели, которые пишут стихи, чтобы засвидетельствовать любовь к автору, на вечера современной поэзии – поэты, которые понимают, что, чтобы писать современно, необходимо читать и слушать коллег по цеху.

В обоих случаях можно говорить о культурной сцене, которая открыта для новых участников, если они разделяют те или иные ценности и идентичности, которая собственно эти идентичности производит. «Мы участвуем в ритуалах для того, чтобы передать коллективное послание себе же самим» [Лич 2001, с. 58]. На поэтических чтениях сообщество передает самому себе сообщение, что поэтическое слово живо, обладает ресурсом солидарности и присутствия, то есть позволяет образовать и поддержать связи и обостряет чувство жизни. Потому что удовольствие от услышанных стихов, разделенное с другими людьми, имеющими похожие представления о поэзии, это тот эмоциональный эффект и та совместная практика, на которых держатся поэтические чтения.

Благодарности

Мы благодарим Яну Савицкую, Анастасию Морозову, Ирину Богатыреву и других коллег, с которыми мы вели совместное включенное наблюдение и обсуждали полевые дневники.

Acknowledgements

We thank Yana Savitskaya, Anastasia Morozova, Irina Bogatyreva and other colleagues with whom we conducted participant observation and discussed field diaries.

Литература

- Адоньева 2022 – Адоньева С.Б. Дух народа и другие духи. СПб.: Пальмира, 2022. 287 с.
- Ахиезер и др. 2002 – Пространство в России: круглый стол / А. Ахиезер, В. Найшуль, Б. Родоман, А. Солдатов, А. Филиппов, Т. Шанин, И. Яковенко, В. Каганский // Отечественные записки. № 6 (7). 2002. С. 27–36.
- Беккер 2018 – Беккер Г. Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности / пер. с англ. Н. Фархатдиновой. М.: Элементарные формы, 2018. 270 с.
- Вежлян 2017 – Вежлян (Воробьева) Е.И. Современная поэзия и «проблема» ее нечтения: опыт реконцептуализации // Новое литературное обозрение. 2017. № 143. С. 270–290.
- Воробьева Воробьева Н.С. Коммунитас как «сущностное Мы»: возможность диалогических отношений в общности // Социология власти. 2019. Т. 31. № 4. С. 155–184.
- Коллинз 2004 – Коллинз Р. Программа теории ритуала интеракции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7. № 1. С. 27–39.
- Кукулин 2020 – Кукулин И.В. Интернет и гетерохронность современной русской поэзии // Russian Literature. 2020. Т. 116. С. 41–66.
- Лич 2001 – Лич Э. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов: К использованию структурного анализа в социальной антропологии / пер. с англ. И.Ж. Кожановской. М.: Восточная литература, 2001. 141 с.
- Омельченко, Поляков 2017 – Омельченко Е., Поляков С. Концепт культурной сцены как теоретическая перспектива и инструмент анализа городских молодежных сообществ // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 2. С. 111–132.
- Тернер 1983 – Тернер В. Символ и ритуал / сост. и авт. предисл. В.А. Бейлис. М.: Наука, 1983. 277 с.
- Уорнер 2000 – Уорнер У. Живые и мертвые / пер. с англ. В.Г. Николаева. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 671 с.

- Успенский 1994 – Успенский Б.А. Анти-поведение в культуре древней Руси // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Гнозис, 1994. С. 320–332.
- Stern 1991 – Stern F. The formal poetry reading // TDR (The Drama Review). 1991. Vol. 35. No. 3. P. 67–84.
- Turino 2008 – Turino T. Music as social life: The politics of participation. Chicago: University of Chicago Press, 2008. 280 p.

References

- Adon'eva, S.B. (2022), *Dukh naroda i drugie dukhi* [The spirit of the people and other spirits], Pal'mira, Saint Petersburg, Russia.
- Akhiezer, A. et al. (2002), "Space in Russia: Round table", *Otechestvennye zapiski*, vol. 7, no. 6, pp. 27–36.
- Bekker, G. (2018), *Autsaidery: issledovaniya po sotsiologii deviantnosti* [Outsiders: Studies in the sociology of deviance], Elementarnye formy, Moscow, Russia.
- Collins, R. (2004), "The program of the theory of ritual interaction", *The Journal of Sociology and Social Antropology*, vol. 7, no. 1, pp. 27–39.
- Kukulin, I.V. (2020), "Internet, heterochrony and contemporary Russian poetry", *Russian Literature*, vol. 116, pp. 41–66.
- Leach, E. (2001), *Kul'tura i kommunikatsiya: Logika vzaimosvyazi simvolov: K ispol'zovaniyu strukturnogo analiza v sotsial'noi antropologii* [Culture and communication. The logic by which symbols are connected. An introduction to the use of structuralist analysis in social anthropology], Vostochnaya literatura, Moscow, Russia.
- Omel'chenko, E. and Polyakov, S. (2017), "The concept of cultural scene as a theoretical perspective and tool for analyzing urban youth communities", *Sotsiologicheskoe obozrenie*, vol. 16, no. 2, pp. 111–132.
- Stern, F. (1991), "The formal poetry reading", *TDR (The Drama Review)*, vol. 35, no. 3, pp. 67–84.
- Turner, V. (1983), *Simvol i ritual* [Symbol and ritual], Nauka, Moscow, USSR.
- Turino, T. (2008), *Music as social life: The politics of participation*, University of Chicago Press, Chicago, USA.
- Uspenskii, B.A. (1994), "Anti-behavior in the culture of Ancient Rus'", in Uspenskii, B.A., *Izbrannye trudy, vol. 1: Semiotika istorii. Semiotika kul'tury* [Selected works, vol. 1: Semiotics of history. Semiotics of culture], Gnozis, Moscow, Russia, pp. 320–332.
- Vezhlyan (Vorob'eva), E.I. (2017), "Contemporary poetry and the 'problem' of not reading it: An experience of reconceptualization", *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 143, pp. 270–290.
- Vorob'eva, N.S. (2019), "Communitas as the 'essential We': the possibility of dialogical relations in community", *Sotsiologiya vlasti*, vol. 31, no. 4, pp. 155–184.
- Warner, W.L. (2000), *Zhivye i mertvye* [The living and the dead: A study in the symbolic life of Americans], Universitetskaya kniga, Moscow, Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторах

Елена Ф. Левочская, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; leta.ugay@gmail.com

Сергей С. Левочский, кандидат философских наук, Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова, Москва, Россия; 119048, Россия, Москва, ул. Трубецкая, д. 8, стр. 2; levochskiy_s_s@staff.sechenov.ru

Information about the authors

Elena F. Levochskaya, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; leta.ugay@gmail.com

Sergei S. Levochskii, Cand. of Sci. (Philosophy), First Moscow State Medical University, Moscow, Russia; bldg. 2, bld. 8, Trubetskaya St., Moscow, Russia, 119991; levochskiy_s_s@staff.sechenov.ru